

ПЕТРОНИЙ <П. М. ПИЛЬСКИЙ>

Не...

(Новая книга стихов.

Вл. Маяковский. «Простое, как мычание»)

Напрасно думаете, что вы один не понимаете Вл. Маяковского. Вы уже потому не один, что Вл. Маяковский тоже не совсем себя понимает, что, однако, ни в какой, даже самомалейшей мере, нельзя ставить в упрек ни ему, ни вам.

И, собственно, удивительнее всего, что каждое отдельное слово у него и отдельное предложение, и даже целое «стихотворение», — если только это «стихотворение», — что все они, каждое отдельно, понятны, ясны и в высшей степени доступны.

И вот все-таки, несмотря на всю эту ясность, толковость, отчетливость и даже точность, ни мы не понимаем Вл. Маяковского, ни он сам себя не может понять.

Это оттого, что все в нем, и в его книжках, и в его чувствах, и в его жаждах, и также все вокруг него, им видимое и слышимое, представляет спутанный, сложный, запутанный многоэтажный *Хаос*.

Это сложное хаотическое нечто его давит, обволакивает, обступает, как клубок змей или цепь и сеть каких-то двойственных, очень ощутимых и в то же время невыразимых кошмаров, где ясны начала и различимы отдельные черты, но нет концов, и отсутствуют лица.

Вл. Маяковский — закованный. Он — пленник. Он — запутавшийся в кандалах или, может быть, даже просто веревках.

Конечно, это не трагедия Прометея.

Для этого у него нет многого, и, главное, трагического спокойствия силы. Он весь в движении. В борьбе и драке. Он не убит, но и не вознесен на вершины мудрости.

Маяковский конвульсирует. Он до последней степени беспокоен. Бранится, сердится, борется. У него слишком много жестов, движений, нервов.

От этого повышенная температура его книжки, ее горячность, и, возможно, горячечность и также ее бред.

Бред и брань, пораженного хаосом и возмущенного им. Восстание запутавшегося. Плач раздавленного.

Кричу кирпичу,
слов иступленных вонзаю кинжал
в неба распухшего мякоть.
Солнце!
Отец мой!
Сжалься хоть ты и ее мучай!

Вл. Маяковский только с виду бодр. Он молод только в своей театральной метрике, в своей трагедии «Владимир Маяковский», где он считает за своей спиной всего только «20—25 лет». Не верьте ему! Он устал, и болен, и слаб, и очень стар, и о нем самом нужно писать настоящую трагедию, и там ему не 20, а 2000 — две тысячи! — лет.

Он и

ходит тревожный.

И все время всем жалуется, все время

говорит кому-то:
Ведь теперь тебе ничего?
Не страшно?
Да?

(«Простое, как мычанье», 17).

Впрочем, и этого мало, и это не все.

Конечно, «тревожный», и усталый, и слабый. Но и еще: *напуганный*.

Напуганный до сумашествия, до видений, до призраков и галлюцинаций.

Какая-то страшная одержимость гиперболизмом. Вместо глаз — увеличительные стекла.

Не человек, а микроскоп.

И, как всякий микроскоп, Маяковский увеличивает ничтожество, бациллу, точку до неслыханных и небывалых размеров пятна, ужаса, целой картины.

Это извращение масштабов у живого человека может происходить или 1) от напряженной сосредоточенности зрения, от длинного, неподвижного, самогипнотизирующего смотрения в одну и ту же точку. Или 2) от нервно-издерганной впечатлительности.

У Вл. Маяковского и то, и другое.

Он видит, он поражается, но так как ему всегда нужно не поразиться, а *поразить*, — то он жаднее в пристальности, и тогда происходит то, что и должно при этом происходить: обыкновенное становится чудовищным, малое — огромным, штриховое — масляным, легкое — тяжелым, здоровое — больным, целое — сломанным, но зато незаметное — заметным.

Не ад даже, но «*адище города*» (18).

Не автомобили, а «рыжие дьяволы» (там же).

От пристального, от устремленного взгляда на солнце текут слезы — но, видите ли, это не у самого Маяковского, это — «у раненого солнца вытекал глаз».

Ему видится «враждующий букет бульварных проституток»; его удивляет, что

ничего не понимают.

А «не понимают» вот чего:

- Вошел к парикмахеру, сказал
спокойный:
- Будьте добры, причешите мне уши!
- Гладкий парикмахер сразу стал хвойный.
- Лицо вытянулось, как у груши:
- Сумасшедший!
- Рыжий!

И т. д.

Везде у него — расширение, размножение, растягивание.

«Шумики — шумы — шумицы». (Стр. 45)

«Женщина со слезинкой». — «Женщина со слезой». — «Женщина со слезищей». (Стр. 62)

Влюбленность в гиперболизм? Нет, это не влюбленность! Для влюбленности здесь слишком много сознательности и прозы. Это — метод гиперболического рисунка. Это — вера в гиперболу, вот как бывает вера ученого и испытанного человека в ту или другую силу. У электротехника — в электричество, у врачей и химиков — в яды.

Только у Маяковского все это — буйней, задорней и больше «очертя голову», больше, все-таки по-русски; «на авось» и потому дозы забыты, вольты пренебрежены, токи спутаны и непозволительно смешаны в непозволительных пропорциях несмешиваемые, несоединимые элементы отрав и дурманов, и смешаны холодно, с расчетом на какой-то неизвестный, но непременно эффектный результат.

Из всех электро- и пиротехников это — самый неумеренный. Из всех отравляющихся это — самый нетрезвый, наиболее безрассудно опьяняющийся.

Вл. Маяковскому хотелось бы, чтоб это опьянение носило на себе печать еще и трагизма.

Но этого нет. Трагизм отсутствует. Налицо все его данные и все составные части, — разочарование, рабство пред огромной силой, стихийность, — но трагизма так-таки и нет.

Он не скорбен. Маяковский сердится, а нужно бы негодовать. Он полемизирует, а ждем презрения. Маяковский бранится, но брань — не гнев.

У Нерона горел Рим, у Маяковского репетиция пожара, а репетиции никого никогда не пугали.

Не пугает и Вл. Маяковский.

Правда, он *не* ищет и *не* имеет сходства с общими знакомыми и потому скорее характеризуется тем, *чего у него нет*.

И он, действительно, *не* чистый лирик, *не* поэт в нашем смысле слова, не драматург, хотя и написал трагедию, не эпатер буржуазии, несмотря на необычайное нежелание ей угождать и нравиться, не версификатор, не анархист в том смысле, который ему мог бы улыбаться, и, наконец, *не* футурист, потому, что у него *нет ничего* от футуризма — *ни* заумного языка, *ни* нового лексикона, *ни* даже непонятности. Он умело талантлив и умеренно ясен.

Он *не* циничен, несмотря на браваду резких слов и раскидистых манер, *не* груб при всем дерзком поведении его воспитанных в уме строк и в конце концов больше любопытен, чем неприятен. Его прочтут, и как раз те, у кого есть досуг для улыбки. Через год Вл. Маяковский будет модным, а через пять — сотрудником «Русских записок»...

